

Павел Иванович Мельников-Печерский

Медвежий угол

Павел Иванович Мельников-Печерский

Медвежий Угол

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377515

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«В Зимогорской губернии есть уездный город Чубаров – глушь страшная. Тому городу другого имени нет, как Медвежий Угол. Что за дорога туда! Ровная, гладкая – ни горки, ни косогора, ни изволочка, – скатерть скатертью. Места сыроваты, но грунт хрящевик: целое лето ливмя лей, грязи не будет...»

Содержание

Павел Иванович Мельников-Печерский Медвежий Угол

В Зимогорской губернии есть уездный город Чубаров – глушь страшная.

Тому городу другого имени нет, как Медвежий Угол.

Что за дорога туда! Ровная, гладкая – ни горки, ни косогора, ни изволочка, – скатерть скатертью. Места сыроваты, но грунт хрящевик: целое лето ливмя лей, грязи не будет.

Не перероют чубаровску дорогу водороины, не наплывет на нее с боков текучей грязи и всякой мерзости, и в рабочую пору рассыльный не выгонит на нее мужика, с лопатой на плече да с краюхой хлеба на пестере, верст за двадцать от дому – чинить путь-дорогу ради благополучного проезда его превосходительства господина губернатора.

Благодарят Создателя мужики чубаровские, не больно обидна по ихним местам повинность дорожная. Зато скорбят, плачутся и богу жалуются те, кому судьба даровала жребий заправлять натуральными повинностями. С какой завистью, с какой затаенной злобой смотрит исправник чубаровский на уезды соседние! Там и глинка размывистая, и горы с изволоками, и топи, и гати – и заготовка фашинника!.. Не столь поп Великому посту да богатому покойнику рад, сколь-

ко рады в тех уездах исправники октябрю месяцу, когда расписание дорожных участков составляется. А в Чубаровке, в этом «чертовом болоте», не то что от расписания, от самого даже развода участков никакой поживы нет. «Плохой уезд, алтынный уезд!..» – говорят про него и в губернском правлении, и в губернаторской канцелярии.

Пытался исправник чубаровский, Иван Алексеич Чирков, избыть беду неизбежную, пытался исправить беду непоправимую. Вздумал дело сотворить – и самому бы тепленько было, и кого после него дворянство в исправники выберет, помянул бы добром предместника, панихиду б отпел за упокой души его. Не удалось...

Получает от губернатора предписание. Требуется он «для государственных соображений, подробного и тщательного описания дорог почтовых, торговых, проселочных, как искусственных, так и грунтовых, с показанием удобств и неудобств оных, как в видах административной коммуникации, так и в отношении к вящему распространению местной торговли и промышленности, представив притом свои соображения о проложении новых, более удобных путей сообщения, в видах общей государственной пользы».

Иностранным языкам Иван Алексеич не обучался, потому «административной коммуникации» не разумел, но на «споспешествовании» придумал штуку разыграть.

Как дважды два доказал он губернскому начальнику, что народ обеднял и промыслы упали, и в торговле застой ока-

зался, самое даже отечество бедствует единственно по той причине, что чубаровская почтовая дорога проложена не там, где следует быть. Для «впящего преуспeyания и споспешествования к развитию» Иван Алексеич придумал новую дорогу там проложить, где сам леший подумавши ходит. Зато сколько мостов, сколько гатей!.. Все эти топи, мочажины, болота, теперь лежащие впусе, не принося никому пользы, уже представлялись ему богатой оброчной статьей в виде гатей, ежегодно перестилаемых, мостов, каждый год перекрашиваемых. Во сне и наяву мерещится ему, как из воючих, никуда не годных болот прыгают в карман золотенькие и сыплются пачки бумажек радужных. Прекрасным, благодатным месяцем стал для него холодный, дождливый октябрь!

Жид мессию иль концессию на железную дорогу так ждет, как ожидал Иван Алексеич разрешения на свое представление. И вдруг: «будет в виду ваш проект при общем соображении об устройстве грунтовых дорог в государстве».

Ждет Иван Алексеич общего соображения, ждет, ждет, и вдруг умирает, запарившись в бане: русский человек, по-русски и помер. Был оплакан семьей, секретарем и становыми. Почесала в затылке губернаторская канцелярия, сморщилось губернское правление; его превосходительство при всех изволил сказать: «Жаль – исправник был расторопный».

И приказал в губернских ведомостях некролог его напечатать.

Прошло немало времени и после блаженной кончины

Ивана Алексеича, разрешения на представление не было. До сих пор благодарят Создателя мужики чубаровские, что не обидна им повинность дорожная, до сих пор скорбят, плачутся, богу жалуются те, кто ведает в Чубаровском уезде натуральными повинностями.

Хороша дорога в Чубаров, – скатерть скатертью.

Под самым городом вдруг стало меня немилосердно поталкивать. Чем дальше, тем хуже. Заметало тарантас во все стороны, того и гляди – набок. Во весь опор скакавшие лошади шагом пошли.

– Что за дорога? – вскрикнул я.

– Городская, – отвечал ямщик.

Такие плоды преуспейания городского хозяйства обыкновенны. С терпением Иова ждал я минуты, когда подъеду к длинному, версты на полторы через болото построенному мосту. Другой конец его упирался в главную и единственную городскую улицу. Издали белелась и светлелась широкая гладь мостового полотна. «Ну, думаю, отдохнут мои косточки».

Не тут-то было: ямщик своротил направо и потащился тонким болотом; колеса вязли по ступицу, добрые кони едва дух переводили.

– Куда ты, куда ты? – крикнул я ямщику. – Ступай по мосту.

– По мосту? Заказан. Вон и шлахбан спущен.

В самом деле, возле развалившейся будки был спущен

ветхий шлагбаум. Кроме ворон, сидевших на перилах, да квакавших в болоте лягушек, ничего живого вокруг не было, но никто не дерзал, подняв шлагбаум, проехать заповедным мостом. Столь свято исполняются в Зимогорской губернии начальственные распоряжения. Губерния благонадежная...

– Отчего ж по мосту нет езды?

– Заказано. Казенный стал, берегут, – ответил ямщик.

– Зачем же его строили?

– А губернатор наедет, либо из набольших кто.

– Давно ль такие порядки?

– Не так чтоб давно, – отвечал ямщик, помахивая кнутом над лошадьми... – Эх, вы, голубчики, ну, ну, ну-у!.. С самых с тех пор, как мосты да дороги на земство поворотили и начали ими алхитехтуры заправлять... Эх, вы, ну, ну!.. А прежде дорога и здесь была знатная, и по мосту ездили все невозбранно... ну, ну, соколики!

– Отчего ж запретили по мосту ездить?

– Кто их знает?.. Такие порядки!.. Эх, ну, ну, вы!.. Кормитесь тоже и алхитехтурам надо, без того нельзя!.. Эх вы, матушки, вывози, вывози, поштенные!.. Есть-пить всякому надо... Только нашему брату совсем беда!.. Глядь-ка, кака маята коням-то!.. Ну, тащи, тащи, соколики!.. А прежде алхитехтуров да анжинеров слыхом не слыхать!.. Эх, ну, ну, вы!

Мучимые комарами, что толклись над болотом, с полчася промаялись мы. Проезжая мимо моста с тоненькими, ста-

ренькими стойками, понял я расчет строителей. Сделавшись с подлежащей властью, то ль еще творят они по глухим местам, такие ль еще беды строят народу божьему! А все больше поляки да немцы.

В Медвежьем Углу гостиниц нет. Привезли меня к Абрамовне, что содержит единственный в городе постоялый двор. По счастью, нашлась порожняя горенка; там кой-как я расположился. Об удобствах речи не было, и за то слава богу, что комнатка нашлась.

Не успел оглядеться, как услышал сильнейший храп. Кто-то рядом отдыхал в час полуденный. Богатырские звуки неслись из соседней горенки, куда вела растворчатая, сильно покоробленная и не очень плотно затворявшаяся дверь. Она была заперта черным, репчатым замком¹, на двух кольцах. Вошла здоровенная девка в засаленном темно-синем, китайском сарафане, пестром ситцевом переднике и сильно поношенном шелковом платке на голове.

– Самоварчик вашей милости не поставить ли?

– Какой теперь самовар!.. Кто это у вас так похрапывает?

– А Гаврила Матвеич, – отирая передником потное лицо, отвечала работница Абрамовны.

– Какой Гаврила Матвеич?

– А Уткин Гаврила Матвеич, подрядчик, – отвечала работница. – Острог строит, наезжает за работой приглядеть.

¹ Черный, то есть железный висячий замок. Репчатый – наподобие сплюснутого шара, репой.

Завсегда у Федосьи Абрамовны становится.

– Купец? – спросил я.

– Как вашей милости сказать? Не больно разумею я ответить-то... Купец, надо быть, – молвила работница. – Пишется деревни Белавки удельным крестьянином, вот недалече отсель деревня Белавка есть. Там и дом у него, и крупчатка о четырех поставах, фабрику недавно полотняную поставил в Белавке-то. Сам-от больше в губернии² проживает. По всему как есть купец. По свидетельству, что ль, как-то торгует, не умею сказать доподлинно: наше дело женское – до всякой точности не доходим. Да вы дальний, видно?

– Дальний.

– То-то.

– А почем ты узнала, что дальний я?

– А Гаврилы-то Матвеича не знаете. Его все знают. И начальство и большие господа.

– Вот как!

– Да-а... Гаврилу Матвеича все знают... Так самоварчик не потребуется?

– Нет, не потребуется.

– Ну, ладно.

Ушла. А храп Гаврилы Матвеича громче да громче раздавался по моему «покойчику». Сил не стало, и хоть жар еще не свалил, хоть и устал я с дороги, но – не слышать бы этого храпу, пошел посмотреть на Медвежий Угол.

² В губернском городе.

Город как город. Каменный собор на грязной, немощенной базарной площади, нескончаемые заборы, незатейливой наружности бревенчатые домики, дырявые тротуары, заваленные всякой гадостью и травой поросшие улицы, каменные присутственные места, развалившаяся больница, ветхий навес с пустыми разохшимися бочками, с испорченными пожарными трубами, – словом, то, что каждый видал не в одном десятке русских городов. Не по торговым или промышленным надобностям возникали наши Чубаровы... При учреждении губерний ткнули пальцем на карте, сказали: «быть городу», и стал город. Оттого тем городам и чужда городская жизнь. Сколь бы ни хлопотали о хозяйстве «медвежьих углов», какие б ни сочиняли инвентари их имуществ, какие б ни производили исследования, как бы затейливо ни составляли росписи доходов и расходов, по силе коих, без разрешения высшего начальства, лишней метлы купить нельзя, – «медвежьи углы» на веки вечные останутся «медвежьими углами». Зато села, что на бойких, привольных местах построены, запросто, как бог послал – с каждым годом богатеют, каменные дома в тех селах что грибы растут, кипит торговля, заводятся училища, больницы, даже библиотеки. Иваново, Павлово, Лысково, Кукарка, – сравните с ними «медвежьи углы»... Где город, где деревня?..

В полчаса весь город узнал. Ни единой живой души, ни единого звука, ровно чума прошла, ровно вымер Чубаров... Спит, плотно пообедавши, Медвежий Угол. Из города, спя-

щего сном временным, пошел я в город спящих непробудным сном. Там, среди простых крестов и голубцов, виднелись кое-где каменные памятники да обитые жостью столбики, строенные по правилам доморощенного зодчества... Читаю надгробные надписи. Кроме изречений из Священного Писания, встречаются другие.

«Под камнем сим лежит коллежский секретарь Котов,
Рожден был от дворян, отечеству служить готов,
Отец детей невинных и плачущей вдовы супруг,
В жизнь добродетелен, он умер вдруг,
Не могли избежать той горестной судьбины,
Чтоб не вкусить грозящей нам кончины».

Вообще надписи длинноваты! С надлежащей подробностью означается, за сколько лет имел покойник беспорочную пряжку, сколько лет оставалось ему дослужиться до следующего чина, и что под судом и следствием не находился... Чубаровские покойники ранга невысокого: коллежские секретари, титулярные советники, есть майор... Однако нет! позвольте – вот памятник знатного человека:

«Под сим камнем погребено тело действительного тайного советника, Российского императорского двора обер-камергера, российских орденов святого апостола Андрея Первозванного, святого благоверного князя Александра Невского и святого равноапостольного князя Владимира I-го класса, прусского Черного орла, датского Слона и шведского

Серафимов, князя Алексея князь Михайловича (фамилия стерлась)... дворового его человека Полуехта Спиридонова».

Возвращаясь с кладбища, пошел я к острогу. Рабочие выспались и косо брались за работу. В яме с известкой два парня без толку болтали веселками, работа не спорилась, известка сваривалась в комья. К неумелым подошел крепкий, коренастый, невысокого роста старик. Хоть и стояли июльские жары, на нем была надета поношенная, крытая синей крашениной шубенка, а на голове меховой малахай.

– Эх, вы, горе-ребята!.. – молвил он, подойдя к известковой яме. – Замесить-то, пострелы, путем не умеете!.. А туда ж, каменщики!.. Эх, вы!.. Дай-ка веселко-то.

И, взявши веселко, старик так пошел работать, что молодому бы впору.

– Эх, ты, яма, матушка!.. – он приговаривал. – Хозяина дождалась!.. Смотрите, горе-ребята, гляди, как месить следует. Вот как, вот как!.. А вы что?.. Кисельники!.. Гляди-ка ты!.. Вот как, вот как следует!.. А тоже, каменщики!.. Эх, вы, горе!..

Да сразу и замесил.

– Ванюха! Для че перекладину-то мало запускаешь?.. Какая тут прочность будет?.. Не на один год строится... Глубже пушай.

– Алхитехтур так велел, Гаврила Матвеич, – отозвался подмастерье, прилаживая перекладину над воротами.

– Знает плешивого беса твой алхитехтур!.. А лет через пять стена трещину даст, тогда твоего алхитехтура ищи да свищи, а мне от начальства остуда... Надо, Ванюха, всяко дело делать по-божески... Пущай, пущай-ка ты ее глубже. Пущай!..

И везде, во всех мелочах зоркий глаз Гаврилы Матвеича метко следил за работой. Во всех его распоряжениях виден был не такой подрядчик, к каким все привыкли. Не хотелось ему строить казенного дома на живую нитку: начальству в угоду, архитектору на подмогу, себе на разживу, а развалится после свидетельства, черт с ними: слабый грунт, значит, вышел, – вина не моя, была воля божия.

Заговорил я с Гаврилой Матвеичем. Сначала старик не больно распоясывался, кинет нехотя словечко и пойдет покрикивать на Ванек да на Гришек. Но когда я назвал себя старику, он спросил меня:

– Не про тебя ль, баринушка, слыхал я от нашего управляющего, от Ивана Владимирыча?

– Может статья. Знаком с ним.

– Так и есть... Слыхал про тебя. Знаю, что Иван Владимирычу ты приятель, значит, человек хороший, худого человека он не похвалит.

– Спасибо на добром слове, Гаврила Матвеич. Стало быть, довольны вы Иваном Владимирычем?

– Неча и говорить!.. На начальство-то не похож, вот каков человек!.. Одно слово: человек-душа. И вся-ку крестьянску

нужду знает, ровно родился в бане, вырос на полотах. И говорит-то по-нашему, по-русски то есть, не как иные господа, что ихней речи и в толк не возьмешь. Всяко крестьянско дело знает, а закон дает по правде да по любви. Такой барин, что живи за ним, что за каменной стеной, сам только будь хорош да поступай по правде да по любви.

– Подрядами занимаешься?.. – спросил я.

– И подрядами маленько займуюсь, – ответил Гаврила Матвеич. – Да пропадай они, эти подряды!.. Бедовое, барин, дело.

– А что?

– Да что!.. Обиды много, толку мало... Известно – дело казенное, каждому желательно руки погреть. И казну забивают, и нашего брата не забывают. Не приведи господи!

– Кто ж?

– У кого глаза во лбу да руки на плечах. Ленивый только обиды тебе не сделает... Слышь ты, Митрей! Клади кирпич-то ровней. Где у ты глаза-те? Эх, ты, голова с мозгом!

– А ведь мы с тобой, Гаврила Матвеич, соседи.

– Как так?

– Ведь ты на постоялом?

– У Абрамовны.

– И я там же. Рядом с тобой.

– Ой ли?

– Да.

– Так пойдем вместе ко дворам-то. По пути будет.

– Пойдем, Гаврила Матвейч.

Весь вечер просидел я со стариком. Сначала был он не очень разговорчив: хвалил Ивана Владимирыча, толковал про обиды, а в чем те обиды – не сказывал. Под конец разговорился.

– Казенное дело, – сказал он, – оттого дорого, что всяк человек глядит на казну, что на свою мошну: лапу запускает в нее по-хозяйски. Казной корыстоваться не в пример способней, чем взятки брать... С кого взял, тот, пожалуй, «караул» закричит, а у матушки казны нет языка... За то ее и грабят.

Завели счеты да поверки, думают руки связать!.. Как не так! С теми счетами казну грабить сподручнее, потому что по счетам концы схоронить ловчей, а на поверку не ангелов божьих посылают... Какой человек рыло отворотит, когда ему в зубы калачик суют?.. А?..

Постройку взять. Этой частью сызмальства займуюсь. Мальчишкой кирпич на леса таскал, потом в артели был, а по времени, бог благословил, хозяином стал... Эту статью знаю вдосталь. В прежние годы, баринушка, по этой части совести было больше. Нынче не то. В прежни-то годы на всю губернию алхитехтур один, а нынче гляди-ка что их развелось. А приезжает все голь, и вся-то эта голь хочет скорей наживы... Анжинер хуже, для того, что анжинер форсистее. Он, видишь ты, с эполетами – значит, ему денег больше надо. Смету составят. Городничий аль полицмейстер заодно.

Дают справочны цены впятеро выше базарных, а урочное положение – дело широкое: карасей ловить можно. Нарочно так и писано!.. Таковую состряпают смету, что на сметны-то деньги, заместо одного дома, два либо три выстроишь. После торгов, когда желающие обозначатся, анжинер и шлет за тобой, говорит: «Ты, борода, помни, что десять процентов мои: это уж так везде по казенным делам, да окромя тех десяти «казенных» давай еще десять процентов «строительных». Не дашь, в гроб законопачу, залого твои пропадут». – «Как же, ваше благородие? – молвишь: – не сходно ведь?» – «Сходно, говорит, будет, черт ты этакий, для того, что сверхсметны работы тебе предоставлю. Исполнять их тебе не придется, а деньги, что получим за них, пополам. Своей половиной ты все наверстаешь. А контракт подпишешь, пять процентов тотчас неси, так дело будет верней». Как быть? Подрядчик завсегда у него в руках: может он тебя на первом же деле, на свидетельстве материалов, так прижать, что жизни не будешь рад. В разор разорит – сам-от чист выйдет, еще крест за сохранение казенного интереса возьмет, а ты со своим усердием да дурацкой простотой купайся.

Поэтому хошь на торгах и сносишь цену, да сносишь так, чтобы двадцать алхитектурских процентов не из своего кошелька вынимать, да чтобы не из своих денег и полицмейстеру заплатить, потому что и он притеснение может сделать, потому и должен ты его задарить.

– Полицмейстера-то зачем же задаривать, Гаврила Матве-

ич? Не его дело.

– Подрядчик завсегда в его руках: всякий час может он ему пакости сделать. Рабочих со стройки сгонит: «табельный, дескать, день сегодня». Табели-то хоть и нет, да уж это его дело: какую табель захочет, таку и нагонит. Перо да бумага в его руках, а мы люди хоть мятые, а дело-то наше все-таки темное. И строительная комиссия для чего-нибудь да сделана... И в ней люди пить-есть хотят. Не ублаготворишь: изобидят за всяко просто, да так, что дома не скажешься. Поэтому на торгах и комиссию на памяти держишь, чтоб и ей не из своего кошельа вынимать. Да еще обеды: при закладке обед, при священье другой. Тут все начальство зови, губернаторского повара найми – без того нельзя: другого не смей нанимать. Полицмейстер с генеральской дворней завсегда друг-приятель, спокон веку ведется так. Потому и зови повара губернаторского, а торговаться не смей, не то полицмейстер такую тебе табель загнет, что после не вспомнишься... Обед же для такого случаю нужен зазвонистый, со всякими, значит, фруктами, с бакалеями и со всем, как оно есть... А благословясь за работу, алхитехтур на стройку к тебе пожалует. Пора летняя, жарко, упарится. «Мочи, говорит, нет; давай холодненького». А «холодненькое» означает шампанское, подавай бутылочку в три целковых. Наведет приятелей, и полдюжиной не управишься. Квартальному надо почесть сделать, хожалого уважить, будочников обдарить. Счет-от и выйдет кругленький, оттого на торгах и нельзя сно-

силь. Как ни вертись, тридцать пять процентов беспременно по рукам разойдется, себе барыша хоть двадцать процентов надо, вот тебе и пятьдесят пять. А кому на шею? Казне.

Про стройку тебе говорю, а еще лучше – земляны работы: землю то есть надо где скрыть, аль набережную сделать, откос, либо дамбу. Урочно то положение, сказал я тебе, дело широкое, торгов на большую земляну работу в обрез сделать невозможно, для того, что сквозь землю не видно, на какой грунт попадешь: единому богу известно. А копать песчаный, примером, грунт – одна цена, глину – другая, каменистый – во много раз дороже. Попадешь на песчаный, а приставленный анжинер отписывает да деньги из казны берет за каменистый. Оно, значит, и можно деревеньку купить. Поверить пришлют ихнего же брата: в одном месте учились, однокашники – все на одном стоят. Напоит, накормит наезжего, барашка в бумажке сунет товарищу, песок за камень и пойдет. Да как и верить-то? В одном месте землю вынут, в другом ее насыпят – не копать же стать сызнава. А что столбиками-то землю ради проверки оставляют, так не хитрое дело лицевой столбик из какого хошь грунта сделать. На это ихнего брата только и взять... Доточный народ, ученый народ.

А гордианы какие, не приведи господи!.. Самый то есть неподходящий народ... Был у меня летось подряд в Зимогорске, откос на Покровском съезде делали, работами распорядился Николай Фомич, Линквист прозывается: не то из немцев, не то из крещеных жидов, хорошенько сказать не

умею. Надо быть, из выкрестов... Вот уж человек!.. Так и норовит оборвать тебя всячески... Слова другого от него не услышишь, как «мошенник», да «борода», да «каналья». Сам взятку принимает, а мошенником обзывает тебя... Да то и дело твердит: «Стану я подлостями заниматься? Я ведь, говорит, не чернильная душа. Нас, говорит, аполетами да усами пожаловали, значит, мундира марать нельзя». Да!.. У мундира-то языка нет, а то бы на весь народ закричал «шили меня, братцы, на крадены денежки!»

Ославлены становые с квартальными, а те не в пример добрей, потому что, хоть бы Николай Фомич – и казну грабит и от взятки не прочь, только ворует да взятку берет с гордостью; и обругает тебя бравши, а под пьяну руку и поколотит. А те люди простые, поступают по-христиански: сорвать сорвут, да и доброе слово молвят, у тебя на душе-то и полегче.

Стоит, баринушка, посмотреть на Николая Фомича, очень стоит... Посмотри, как будешь в Зимогорске. Ходит гоголем, смотрит зверем, ворует как волк, перед наибольшим лебезит ровно поляк. А уж врет как, обманывает!.. Ни на грош в том человеке правды нет. В самом деле посмотри, стоит поглядеть: забавный, право, забавный.

А на выдумки хитрый! Взял я одна подряд: на шоссеюну дорогу камень для ремонту выставить, разбить его, значит, и в саженки укласть. Двадцать тысяч подрядился выставить, на целую, значит, дистанцию, а дистанцией заправлял Николай Фомич. Шлет за мной Юську, солдата-жиденка, что на

вестях при нем был. Прихожу. Лежит мой Николай Фомич на диване, курит сигарку, кофей распивает: только завидел меня, накинулся аки бес и почал ругать ругательски, за што про што – не знаю.

– Ты, говорит, чертова борода, подряд-от на камень взял?

– Точно так, говорю, ваше благородие, мы-с.

– А знаешь ли, говорит, что ты теперь весь в моих руках?

Захочу – по миру пушу, на весь век несчастным сделаю. В Сибирь могу сослать!.. В остроге насидишься!.. Руду будешь копать, каналья ты этакая, спину на площади вздуют.

А сам подъезжает. Так и норовит в рожу, и кулаки наготове.

Это он, знаешь, страху напускает. Такая уж у них поведенция.

А я:

– Да ты, говорю, ваше благородие, лучше скажи, что требуется... Для че по пустякам кричать!.. Кровь портишь. Печенка неравно лопнет...

– А того мне требуется, орет, чтоб знал ты, мошенник этакий, что я твое начальство, чтоб не смел ты, поганая бестия, из воли моей выходить ни на капельку.

– Как же, говорю, нашему брату из воли начальства выходить? Всякое начальство от бога, это мы знаем.

– То-то и есть, – говорит. – Ты у меня, чертова борода, гляди в оба да ходи по струнке, не то в бараний рог согну. Сколько, распротоканалья ты этакая, камню поставить взял-

ся?

– Двадцать тысяч, ваше благородие.

– Две тысячи ставь, а за восемнадцать деньги мне подай.

– Как же так, говорю, ваше благородие? Приемка ведь будет.

– Сам, говорит, принимать стану. А умничать будешь, по миру, каналью, пушу да в придачу две шкуры спущу.

Что станешь делать? Человек хоша небольшой, а управы над ним нет. Поставил две тысячи, разбил. Николай Фомич жидятам саженок из глины наделать велел да битым камнем и обложил их. Жида на то взять, обрядит дело, иголки не подточишь. По времени из округа начальство наезжает: скачет по шоссе сломя голову, само саженки считает. Все налицо. Говорит начальство Николаю Фомичу: «спасибо за хлеб за соль, а шоссе у тебя исправно». Другое начальство скачет из самого Питера, тоже саженки считает: все налицо, чин Николаю Фомичу, крестик в петличку. По времени стал он глинянть саженки раскидывать, а сам отписывает: на ремонт, дескать, камень весь изошел. А чтоб шоссе-то не больно портилось, круглый год у него полдороги бревнами заложено: чинят, дескать. Только и снимут бревна, как начальству проехать, а обозников в шею; да еще выпорют, коли вздумают артачиться... Здешний-от мост видел?..

– Видеть-то видел, а ездить не ездил.

– Заказан. Николай же Фомич заказал. Ему была та работа поручена, а подряд за мной оставался. Велел старый мо-

стишко выстрогать, покрасить, да на старых же стойках и поставить. С городничим поладил... Вот теперь третий год ни конного ни пешего, oprичь начальства, по мосту не пускают. На тот год думают, слышь, пускать, ради ремонта, значит: ну, тогда хоть и провалится кто, ничего, урочный срок вышел – значит, все в порядке... А по весне можно наводнение прописать: снесло, дескать, мост волею божиею. Бумага все терпит. А после того Николаю же Фомичу и новый-от мост строить дадут.

А с какой работы барышей нельзя получить, на ту Николай Фомич и не двинется. Гори, тони народ, – ухом не поведет. В здешней губернии город Мухин есть, стоит на горе над Волгой. Гора – страсть: стоймя стоит, а народ еще сыстари ухитрился налепить по ней домишек, живет в них, и горя ему мало. Случается, что иной дом в Волгу съедет, да мухинцам это нипочем: поохают, повздыхают, да на том же месте новы дома почнут лепить. А Мухин хоть на Волге, а город без воды. За водой на Волгу ходить неспособно: гора крута, а родник во всем городе один. Еще в стары годы тот родник обрядили, а по улице, что под гору идет, деревянну трубу в земле заложили, да ключ-от в нее и пустили. Чан врыли ведер ста в три, вода-то в него и стекала, и никогда в том чану не переводилась. И на домашнюю потребу, и на случай божия наслания, в пожарное то есть время, всегда было ее довольно. Так и жили мухинцы лет сто, коли не больше, попросту, без затей. Мало-помалу труба засорилась: дело не муд-

ренное. Видят мухинцы городску нужду, приговор составили, определили трубу починить и чан новый врыть на счет обывателей. Сделали смету всего-то в восемь с полтиной. А хотя, по закону, городское общество и само может такую дешевую постройку делать, только этого сделать невозможно, потому что начальство обижается, а обидевшись одним, на другом наворачстает. Оттого, думаю, обо всякой постройке, хотя б она кусаного гроша не стоила, губернскому правлению рапортует. Так и в Мухине сделали. В губернском правлении ихнюю бумагу прочитал регистратор, да и то с налету. Видит, по строительной части, доложили, слушали, приказали: позаслать в строительную комиссию. Там свой журнал слушали и приказали капитану Линквисту, отправясь на место, освидетельствовать происшедшую в мухинском «городском водопроводе» порчу и представить свои соображения о лучшем устройстве того водопровода. Посмотрел на бумагу Николай Фомич, да как увидал, что всей-то благодати на восемь с полтиной, плюнул даже на нее, да еще промолвил: «не тому у нас в корпусе обучали, чтоб такой дрянью заниматься».

Проходит год, приезжает в губернию мухинский голова. Как водится – поклоны да подносы нужным людям. Завернул и к Николаю Фомичу. Христом богом просит его делом о чане поспешить: «Вода ведь совсем не бежит, ваше благородие, оборони господи – пожар, дотла сгорим». Как накинется на него Николай Фомич! Обругал на чем свет стоит и потребовал триста целковых благодарности. «Помилуйте, – гово-

рит голова, – ведь это дело плевое, всего-то восемь с полтиной. Нельзя ль подешевле?» Как зарычит, как затопают Николай Фомич; насилу голова и ноги уплел... Еще год проходит, труба совсем засорилась, в чану, какова есть капля воды, и той не стало... Еще год прошел – по улице вода стала землю пучить, а тут почтовый тракт пролегает. Изрыла вода дорогу так, что и способу нет. До губернатора жалобы от проезжающих стали доходить, городского голову за нерадение от службы удалили. Тот, известно дело, рад-радехонек для того, что служба торговому человеку хуже горькой редьки. Сто целковых Николаю Фомичу свез, думал, знаешь, что от него это произошло. Тот ничего, взял... Еще год, другой проходит. Мухинцы без воды волком воют, а ему наплевать. Сыскались охотники из мещан сами трубу вычистить, в Сибирь чуть не угодили: такую статью подвели, что еле-еле откупились. Приезжал в Мухин и губернатор, посмотрел и сказал: «надо починить».

Отыскался медведь поблизости Мухина. Пали слухи в губернии. А Николай Фомич на медведя охоч был ходить; как слышал, так и поскакал «по делу о водопроводе». Медведя застрелил, водосточной трубы в глаза не видал, для того, что зима была, а из городских доходов прогоны взял туда и обратно. И медведя в губернию на городской счет в особых санях вез: ехал мишка под видом инструментов.

Донес Николай Фомич: так и так, «ездил в город Мухин «по делу о водопроводе», делал нивелировку, грунт нашел

слабый, подземными ключами размываемый, рекою Волгой подмываемый, совсем ни на что неспособный; потому деньги за сондировку и нивелировку, полтора ста рублей, в уплату рабочим из моей собственности удержанные, покорнейше прошу возвратить откуда следует, а для благосостояния города Мухина и для безопасного и безостановочного следования по большой дороге казенных транспортов и арестантов, а равно проезжающих по казенной и частной надобностям, необходимо мухинскую гору предварительно укрепить и потом уже устроить водопровод для снабжения жителей водою».

Поваляли бумагу по разным местам, с год времени поваляли, полтора ста рублей велели Линквисту из мухинских доходов выдать, а ему приказали смету составить на укрепление горы и на устройство водопровода.

Составил же Николай Фомич смету – чуть не миллион насчитал. Десяток-другой таких городов, каков Мухин, со всеми их потрохами продать, таких денег не выручишь. А дело-то, помни, на первых порах было в восемь с полтиной. Хорошо, видно, планы да сметы сделал Николай Фомич, награда вышла ему... А мухинцы ни водопровода, ни чана с водой до сих пор и во сне не видали... Живи, как знаешь, чинить не смей. Дело заглохло, улицу совсем размыло, дома три повалило, а как летошний год на самый Петров день случился пожар: весь город и выдрало. Следствие сделали. Вышло, что загорелся Мухин от воли божией, а виновным

никто не состоит. В пользу погоревших подписку сделали, и Николай Фомич чуть ли не первый два целковых подписал: губернаторша сбирала – нельзя...

Не могу сказать, как по другим местам, а в нашей губернии всякое казенно строение делается на живу нитку. Поживы-то хочется побольше, потому и железа поубавят, и кирпичик непережженный поставят, и балку положат покороче. Барыш двойной: и от стройки перепадет и ремонту по скорости потребуется.

Вот отчего казенная стройка в дорогую цену обходится и всегда бывает непрочна. Про другие места не знаю, а у нас всем на виду, что случилось. Пятнадцати лет не прошло, как большие работы в губернии были; не один миллион в землю засадили, городска казна до сих пор кряхтит: город в долгу, как в шелку. А на все, что было в те поры построено, – глядеть горько: губернаторский дом снизу доверху трещину дал, скоро под гору поедет, казармы развалились, откосы обсыпались, съезды завалило, от набережной следа не осталось. Две церкви старинного дела рассыпались, кремлевская стена свалилась, а стояла более трехсот годов... Надо бы было в горе родники отвести. Их не отвели, зато у строителей деревеньки явились: солдаты, что кирпич караулили, и те домишки себе построили.

А в стары годы не так строили. Видел ли, баринушка, собор у нас в губернии? Пятьсот годов стоит, хоть бы трещину дал; свод на нем хоть в замок сведен, да завершен осиновым

колом. И держит тот кол церковный свод шестую сотню годов, и стоит тот свод ровно из меди вылитый. В старину-то ведь хитрости да уменья было поменьше, зато совести было побольше.

Так-то, баринушка...